

«МЫ ШЛИ В БОЙ С КРИКАМИ “ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!”» ВОЙНА И МИР «ЧУКЧИ-СНАЙПЕРА», МАЙОРА СПЕЦНАЗА ВДВ

В окопах атеистов нет

Священник Русской Православной Церкви отец Николай К. известен как легендарный «Чукча-снайпер», в прошлом - гвардии майор спецназа ВДВ. Именно настоящая мужская работа, которая досталась ему на войне, и очень важное слово, прозвучавшее в бою, привели его к Богу. До принятия сана Николай успел проявить себя как доблестный защитник Родины, он - один из тех, кто спас Россию от распада. Гвардии майор Николай К. прошёл Первую Чеченскую (*-Первая чеченская война - Операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994—1996 годов) от звонка до звонка, прошёл снайпером разведроты ВДВ. На военную службу он был призван в 1983 году. В 21-ю ставропольскую бригаду ВДВ попал не случайно. Николай родился на Чукотке в семье военного лётчика, и всё его детство прошло на охоте. Отец брал сына с собой и с ранних лет приучал к походной жизни, хотел сделать из него настоящего мужчину. Николай научился великолепно стрелять, и это сыграло решающую роль при его направлении в снайперскую группу. Прошёл Сумгаит, Абхазию, Чечню. И главный вывод, к которому он пришёл на войне, был: в окопах атеистов нет. Майор К. не раз чувствовал близость Бога, и в самые опасные моменты сражений Господь незримо хранил его.*

В настоящее время отец Николай служит в одном из храмов РПЦ и является полковым священником ВДВ.

Он рассказывает о себе: «Я родился на Чукотке в семье военного лётчика. Отец - казак, мама - тунгуска. Нас было семеро детей. В три года отец посадил меня на коня и подарил «мелкашку». Это же Чукотка! Там ты мужчина, если умеешь что-то делать руками: охотиться, ловить рыбу, готовить еду... Снайпером я стал не только потому, что стреляю метко. Важнее умение быть незаметным: когда можешь сутки провести затаившись — так, что вокруг тебя листик не шелохнётся. Моей целью были снайперы с той стороны и командный состав противника. У чеченцев своих классных снайперов почти не было, нам приходилось противостоять в основном наёмникам, в том числе, из Прибалтики.

За первую чеченскую кампанию в отпуск выбрался один раз. Мне, как и многим офицерам, денег тогда не платили. Добирался 7000 км на перекладных. В Новосибирске, прознав, что я снайпер, подкатили братки. Предложили за вознаграждение завалить мафиози: «Мы знаем, что ты - без копейки денег». Я им: «Ребята, вы - не по адресу».

По возвращении в часть заехал под Москвой в Троице-Сергиеву Лавру. Земляки просили передать гостинцы родственнику-семинаристу. В Лавре у меня произошла встреча с тамошним старцем архимандритом Кириллом (Павловым), духовником Патриарха Алексия II. Я давно слышал о прозорливом старце Троице-Сергиевой Лавры отце Кирилле (Павлове), который во время Великой Отечественной был участником обороны Сталинграда. В первую встречу он меня благословил, а в следующий мой приезд, уже по окончании первой чеченской, принял у меня исповедь. Помню, я закончил говорить, а он спрашивает: «Ты никому ничего не обещал?» — «Да нет, вроде». — «Подумай, может, храм построить обещал?» И я вспомнил!

Архимандрит Кирилл (Павлов) – в молодости, во время ВОВ и уже в зрелые годы, будучи духовником Патриарха Всея Руси Алексия II.

«Построй храм?» И я вспомнил!

В январе 1994 года группа разведки нашего спецназа ВДВ, уходя от преследования отрядов чеченских сепаратистов, укрылась в полуразрушенном здании Госуниверситета Чечни, что недалеко

от знаменитой площади Минутка. Здесь же на одном из этажей спецназовцы обнаружили бойцов нашей пехоты – это были пацаны

«срочники» с капитаном во главе. Объединившись и заняв в здании круговую оборону, наши ребята вступили в тяжелый бой. Была надежда, что соседи услышат звуки боя и придут на выручку. Со своей неразлучной СВД лейтенант К. делал все, что могло зависеть от отличного снайпера. И хотя эту работу он делал весьма успешно, ситуация неумолимо ухудшалась. Огонь и натиск «духов» нарастали, а наши возможности таяли... Через сутки стало понятно: подмоги не будет. Патроны практически у всех уже закончились, и нас всё сильнее стало охватывать чувство обреченности, предчувствия неминуемой страшной развязки. И вот тогда я, наверное, впервые в жизни так явно, напрямую, взмолился к Богу: «Господи, сделай так, чтобы мы сумели вырваться живыми из этого ада! Если останусь жив – построю Тебе храм!» Тут же пришла мысль: надо решаться на прорыв, и как можно скорее. Мы, офицеры, хорошо понимали, что эта отчаянная попытка вырваться безнадежна и, по сути, безумна, тем более с такими «войками-срочниками», совсем еще детьми. Максимум, на что мы надеялись, – так это на то, что, может, хоть кому-то удастся прорваться и остаться в живых. Может, потом хоть расскажут о нас... Все приготовились к этому броску в вечность. Вокруг нас враг непрестанно голосил свои обычные заклинания, давя на психику и пытаясь парализовать волю. И тут мы как-то разом решили, что будем кричать наше русское: «Христос Воскресе!» Это было странное, подсказанное извне решение. Не секрет, что во всех крайних, предельных ситуациях войны мы обычно орали диким, яростным матом. А тут вдруг совсем противоположное – святое: «Христос Воскресе!» И эти удивительные слова, едва мы их произнесли,

неожиданно лишили нас страха. Мы вдруг почувствовали такую внутреннюю силу, такую свободу, что все сомнения улетучились.

С этими словами, закричав, что есть мочи, мы бросились в прорыв, и началась страшная рукопашная схватка. Выстрелов не было. Лишь звуки страшных ударов и хруст, боевые выкрики, брызги крови, предсмертные хрипы и стоны заколотых и задушенных “духов”. В результате мы все прорвались. Все до единого! Да, мы все были ранены, многие серьёзно, кое-кто и тяжело. Но все были живы. Все потом попали в госпитали, но все и поправились. И я точно знаю, что если бы пошли на прорыв с

нашим традиционным матерным криком – не прорвались бы, все бы там полегли. Вот только про обещание я забыл.

А отец Кирилл продолжал: «Твоя война закончилась. Оставайся в Лавре. И строй здесь (старец указал на сердце) храм». — «Отче, я же - единственный снайпер в бригаде». — «Сколько противников ты сможешь уничтожить на войне?» — Я ответил. — «А сколько ты сможешь спасти, став священником?» И я вспомнил, как на передовой батюшка за одну ночь покрестил 200 человек. На войне человек, как сырая заготовка, идёт в огонь. Война — это огонь. Опалился, и шелуха ненужная отлетает. Человек переосмысливает всю свою жизнь. У священника крестиков не хватило, а так бы крещёных было ещё больше. Мне запомнились его слова: «Я, наверное, самый счастливый из священнослужителей, потому что слышал, как солдаты шли в бой с криками «Христос воскрес!»». Люди вспоминали о Боге, чтобы укрепиться в своих силах. Я отвечаю: «Покрестить я могу намного больше». — «Вот видишь. Оставайся в Лавре». Но я не послушался. Отправился в Чечню, где в первый же день подорвался на mine, когда ехал в свою часть».

(В другом интервью отец Николай К. об этом вспоминает:

— Поначалу я воспринял это в штыки, какой из снайпера священник? Но потом вспомнился тот грозненский эпизод. Ведь зачем-то Господь оставил нас в живых, а я обещал Богу построить храм и доселе не исполнил... Вспомнил и ещё один момент. У меня погиб друг. И вот за два дня до операции в Гудермесе он мне приснился. Как будто я запрыгиваю на броню, а он говорит: «Будь осторожен, там — мины. Если не хочешь слезать, тогда молись...». И вот утром идём в разведку, а у меня в голове: «...Тогда молись». Мы напоролась на засаду, и я чудом остался в живых. Когда рядом с нашей «коробочкой» рвануло, меня сильно контузило. Потерял сознание. Так бы и слетел с брони, если бы... Я хоть и был снайпером, но часто брал с собой автомат, ремень которого специальным узлом наматывал на руку. Когда рвануло, моя рука с автоматом случайно попала в люк и там застряла. Так и висел я без сознания на броне, пока не приехали к своим. Господь Бог помиловал...).

Из госпиталя Николай приехал к отцу Кириллу. А он: «Сбежать хотел?

Теперь ты понял, что как военного тебя убили?» Это было правдой. У меня после ранения была такая продолжительная остановка сердца, после которой обратно не возвращаются. Я понял, что выжил молитвами старца. И остался в Лавре.

Однажды проснулся в монастыре с мыслью: «Да, хорошо бы в бригаду к моим ребятам батюшка приехал. Но обычного священника сразу шлёпнут. Он же дорого стоит - за него боевикам платили как за сбитый вертолёт. Надо ехать самому!». А батюшкой может стать либо монашествующий, либо человек семейный. Я хотел семью. Но где в монастыре жену найду? «Скоро Рождество. А на Рождество случаются чудеса!» - сказал тогда старец Кирилл. На Рождество на колокольню, где я служил, пришли студентки регентского отделения петь колядки. Одна из них, Елена, вскоре стала моей женой. И меня рукоположили. В 2000 г., как полковой священник, по благословению старца Кирилла, я отправился на Кавказ.

На вторую чеченскую иерей Николай поехал уже не с автоматом, а с крестом. Три недели ездил по передовой. И главный вывод, к которому он там пришёл, был: в окопах атеистов нет. Батюшку везде встречали на ура. В одной только 74-й бригаде он окрестил 110 человек. Валился от усталости с ног, но был счастлив. Именно в этой бригаде он начинал когда-то ту, первую свою войну. И сейчас, встретив боевых товарищей, не удержался, спросил: «А снайпера-то у вас есть?» «Да разве то снайпера! — ответствовали они. — Винтовку в руках едва научились держать... Вот чукча-снайпер — то снайпер был!»

В одном из чеченских селений я высадился с бронетранспортёра, чтобы купить у русской женщины минералки. И тут ко мне подошёл незнакомый мужчина в пятнистой спецназовской форме. «Как здорово встретить здесь русского батюшку! — воскликнул незнакомец и спросил: — А вы откуда?» - Я ответил и тоже поинтересовался: — А вы откуда?» — «Со спецназа ВДВ». «Очень хорошо, — констатирую. — Я тоже в этом подразделении служил». «Не может быть! Мой позывной в прошлую войну был — «Кабан». А у вас?» — «Чукча-снайпер». Смотрю — мой собеседник аж подпрыгнул. «Так это ты?! Батюшка, честное слово, ничего не понимаю... — он едва не задохнулся от смятения. — Надо же! Всю прошлую войну я хотел познакомиться с чукчей-снайпером!» «Чем же я так выделился?» — удивился я. — «А ты мне во время штурма Грозного, в январе 94-го, на площади «Минутка» жизнь спас. Тогда кто-то из наших со стороны университетского здания уложил чеченских снайперов, под прицелом которых я находился. Я потом по своим каналам узнавал, кто же это мог быть. Сказали — чукча-снайпер...».

Бывают же в жизни чудеса! А их у меня было много. Допустим, наступил боец на мину — а она не взорвалась. И лишь только отошёл на сто метров — раздался взрыв. Или ещё. Когда ходили в разведку — лицом

к лицу столкнулись с «духами». Славка, мой товарищ, не успел выстрелить. «Дух» стоял, целился. Славка выстрелил раньше: у «духа» в автомате перекосило патрон. В итоге Славка - живой, а «дух» – нет. Самый яркий пример с нашим командиром бригады полковником Б. У нас после Абхазии появилась традиция перед боевым выходом, броском читать «Отче наш». Это успокаивало, и появлялась значимость правильно выполняемого дела. Однажды – это было в Грозном – перед нами была поставлена задача контролировать подземный гараж. Ее выполнять было трудно, т.к. не было простора для движения. «Духи» вынуждали нас уйти с позиции. А нам надо было обеспечить выход на площадь «Минутка», контролировать огневые точки на другой стороне улицы. Мы стояли, читали молитву, в это время вышел комбриг. Говорит: «Ребята, я - с вами». Мы захватили гараж, зачистили его и стали вести огонь по точкам на другой стороне улицы. Он опять: «Я - с вами». Командиром группы был я. Комбриг в данном случае был постороннее лицо. Он не имел права находиться среди нас. Если бы он погиб – мне трибунал светил бы по полной программе. Тогда он стал рассказывать, что он видел: **«Когда вы начали читать молитву – я увидел, как на вас сверху такой прозрачный колокол опускается. И я почувствовал, что под этим колоколом буду в безопасности»**. Глядя на него, мы поняли, что он говорит правду. С тех пор он эту молитву читал всегда, когда была возможность. Прошло лет восемь. Встретил как-то начальника штаба. Разговорились. Спрашиваю: «Где наш комбриг, не видел ли?» «Видел в ...» (он назвал город). «Ну и что, командует?» «Командует! Он, в отличии от тебя, уже протоиерей!»

Я стал священником и сейчас строю храм, работаю там же, в войсках. Являюсь полковым священником ВДВ. И теперь хорошо понимаю, что **от слова, наполненного силой Божией, больше противника поляжет, чем от пули снайперской. И ещё, что самое главное: тем же словом Божиим я теперь больше людей спасти смогу...**

С момента обретения семьи, как и со дня обретения веры, у Николая появился новый смысл жизни. Отец Николай служит в храме. У него - пятеро детей, младшему из которых 3 годика. Однако даже рукоположившись в священники, он внутренне остался тем воином, которым был когда-то. И, видно, не случайно его первенец родился почти в День ВДВ. «Надо же так случиться, два дня не доносила до праздника!» — сокрушается отец Николай. Сына назвал Александром в честь Александра Невского. «Мечтаю, чтобы сыновья, когда вырастут, защищали Родину с оружием в руках, и в нужный момент скажут, как когда-то он сам, добровольно отправляясь на войну: «Никто, кроме нас».

Ну а коли не оружием, можно защищать и словом, и молитвой...»

Источник: https://pikabu.ru/story/voyna_i_mir_chukchisnaypera_mayora_spetsnaza_vdv_nikolaya_kravchenko_5256200

Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>

